

СПРАВКА

ФОТО ЕВГЕНИЯ РИЖИМЕНОВА

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Знаменитая магнитогорская поэтесса, прозаик, журналист, член Союза писателей.

Родилась 11 января 1942 года в селе Дуван в Башкирии. В 1962 году приехала в Магнитку после окончания Саткинского горно-керамического техникума. Работала на сортировке кирпича на ММК, арматурщицей. Первые стихи опубликованы в газете «Магнитострой». По рекомендации Б. Ручьева поступила в Литературный институт имени Горького. Работала на Магнитогорской студии телевидения, в редакции «ММ». Автор многих книг, документальных фильмов, редактор-составитель книг по истории комбината. Лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка. Заслуженный работник культуры РФ.

Римма Андрияновна являет собой необыкновенно самобытного и неординарного писателя. Ее творчество совершенно не поддается какой-либо классификации в смысле занесения в рамки не только литературного течения, но и рода, жанра. Ее «проза – стихи» можно читать множеством способов, она предлагает читателю большое количество дорог для прочтения. Современная критика называет это нелинейным письмом, кото-

Известной магнитогорской писательнице исполнилось 65 лет

«АНГЕЛ ВРЕМЕНИ»

рое непросто трактовать с точки зрения сюжетно-композиционных особенностей. Да и ответить на вопрос, чего больше в дышаленковских произведениях – философии или литературы, молитвы или фольклора, тоже трудно. Потому анализировать, то бишь разделять, не хочется. Постараемся просто понять и почувствовать необыкновенность новой книги Дышаленковой «Ангел времени. Проза – стихи».

Перед нами, конечно же, проза поэта. С предельно внимательным, но не взвешенным, а спонтанно честным отношением к каждому слову, детским любопытством к нему: «Случай. Волшебное слово это значит, что в небе слетелись два луча и соединились – случились в один луч... Слово намекает на невидимый мир лучей... Лучистые слова обладают творческой силой. Они могут сотворять мир, подражая творцу».

«Слова-лучи», «родомыслы» Дышаленковой не поддаются чтению обычным способом – по горизонтали. Если ты не настроился на вертикаль луча – ничего не поймешь. Ее тексты афористичны, преисполнены смыслов. Даже короткие. Они мерцают, как драгоценные камни, и всегда таят в себе что-то еще там – на «внутренней стороне» чтения.

Я вступаю в райский возраст.

Я живу в раю.

Я люблю легко и просто Родину свою.

В райском небе, будто в поле, кличут журавли.

Это голос, чистый голос Родины-земли.

Отражаются в астрале горы и леса,

завиваются в хорале ветры-голоса.

В небе летает и смеется музыка реки.

Над рекой играют солнца, будто мотыльки.

Очевидно, это души, им легко в раю.

...Вот теперь мы будем слушать Родину свою...

«Стоящая рядом... тайна земного и небесного рая» истолкована здесь удивительно созвучно мыслям церковного деятеля, теолога, философа Василия Великого, который писал, что рай можно увидеть, подняв глаза к звездному небу, а солнце – это зримый лик Христа, который всегда перед нами. Разве обычный человек может так чувствовать, может так представлять наш мир? Это взгляд ангела. Взгляд поэта.

«Ангелы и дьяволы находятся неподалеку друг от друга; однако же Ангел, быв посреди Ада, находится в Раю и не видит Ада, так же и Дьявол, быв посреди Рая, находится в Аду и не видит Рая». Якоб Беме, сказав это, сам того не ведая, объяснил отличие художников гармонического и трагического кодов. Гармонический художник пишет не словами, а пчелами и цветами, яблоками и медом, солнцем и луной, самоцветами и весенними водами. Пишет о смысле жизни, но не прожитой им только жизни, а по-братски – всей в целом. И не прожитой, а пережитой. И не жизни, а вечности. В своей новой книге «Ангел времени» Р. Дышаленкова переживает Вечность. И только в ее свете временная жизнь и жизнь времени становятся осмысленными.

ми, настоящими и потому очень таинственными.

Книга, вышедшая в 2006 году, о времени ангельском – бесконечном. И читательское путешествие от ее главы к главе – это путь из бесконечности в бесконечность. Нестрашный, потому что есть чувство ведомости теплой дружественной ладонью, ласковой сопровождаемости тем, кто хорошо чувствует-чует дорогу.

Дышаленкова, безусловно, мистик. Не ортодокс, не фундаменталист, а именно мистик. Тридцатое царство ее книги – то ли райское, то ли сказочное, то ли детское, не от мира сего. В нем преходящее соседствует с вечным, житейное с житейским, свет рождается из тьмы, а мистика из самоиронии. Автор точно знает, что вокруг тайны, что все окружающее – шифр. Она расшифровывает тайное не столько литературой, сколько душой, и для того лишь, чтоб погрузиться в другую, еще более глубокую тайну, заслужить еще более удивительное прозрение. «В хорошей молитве нет слова «нет». «Помилуй означало – поцелуй». «Хочешь услышать мысли Бога, подружись с пчелиным роем». «Рыба клюет на человека».

Она владеет тайнописью, знакописью, всевозможными цветовыми, цифровыми, сновидческими, языческими, христианскими, астральными, космическими кодами и метакодами. Владеет и создает. Основой для ее текста служит миф во всех его проявлениях – от библейских легенд, народных сказаний, псалмов и писаний святых до урбанистических историй современного индустриального мира. Архетипическая манера писательства, постоянное погружение в мифологию, в «таинственную на-

родную культуру проживания», в поток мультикультурной информации, в грезоподобные состояния «неведомого путешествия в сказку», жизни в другом измерении, в «параллельном пространстве», полном загадок и «волшебных людей». Однако при всей, казалось бы, символистической перегруженности, ее язык всегда остается понятным, доступным, звучит прежде всего как устная речь, а рассказанные на этом языке – словно вслух – истории – ясными, человеческими, как та «провинциальная «бесписьменная цивилизация», сохранителем которой является Р. Дышаленкова.

Реалистичность и будничность ее поведения и повествования, временами даже подчеркнутая обытовленность, документальность, фактографичность последнего – это всего лишь видимости. О странствии Дышаленковой по ту сторону реальности говорит не только вполне очевидный ее интерес к условному, фантастическому, таинственному, чудесному, мистическому. Она типизирует нехарактерное; разрушает популярный линейный сюжет настойчивым целенаправленным, «заданностью» главной мысли; думает знаками, а не пресловутыми «формами жизни»; настойчиво утверждает, а не отрицает, дарит миру «да», ведь «страшна и отвратительна сила слова «нет»».

Ее писательский акт – это контакт с чем-то более значительным, чем текст и художественные образы. Это «духовный реализм» – служение Высшему, выполнение Задания. Вот откуда эти «видения о рае», ангельская этика и по-этика и постоянно ощущаемый мажорный – хэппизиндовый – призыв в каждой из ее молитв, притч, легенд, сказок, побасенок и просто невероятных историй, в которые невозможно не верить.

ТАТЬЯНА ТАЯНОВА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русской литературы
XX века МаГУ,
учитель литературы лицей
при МаГУ.

Призрак Дзержинского

РАССКАЗ

МОЯ ПОДРУЖКА АЛЕНУШКА позвала меня в гости к известному металлургу, чтобы написать о нем материал ко дню рождения.

Дом у металлурга добротный, стоит на поселке имени Дзержинского. Мы угодили к осеннему празднику свеженины: крепкие мужчины только что закололи поросю, уже разделали его, на кухонной плите скворчали три объемных сковороды со свежениной, топилась баня, золотился осенний сад.

Металлурги – народ к публикациям внимательный, а в те дни в местной газете опубликовали мою поэмку «Сказание о библиотекаре». Вот хозяин и встретил меня улыбочиво: дескать, «прибывали на Магнитку, будто дети-старички, и расстрелянные книги, и распятые листки». Меня это радует, для меня это дивная традиция. Например, сталевар Дмитрий Студеникин по телефону не представляется, а сразу стихи мои читает: «Люблю металлургический завод за вечную его первостепенность». А почтенный Николай Георгиевич Цыкунов по случаю цитирует Мандельштама. А мастер сталеварения Валерий Лысенко, вернувшись из-за рубежа, обнял меня на рыночной площади со стихами Евтушенко: «Настя Карпова, наша деповская, говорила мне, пацану: чем же я им не таковская, пристаю они почему?» Поэтому и первый рассказ металлурга получился именно про «расстрелянные книги и распятые листки».

Оказывается, наш герой в 1942 году учился в ФЗУ № 18. Училище располагалось на поселке Центральном, где жили

спецпереселенцы, но недалеко от поселка Дзержинского. Так сказать, под надзором его имени.

«Мальчишки все свободное время проводили на железнодорожном вокзале, где теперь Сортировочная. Война уже вовсю гуляла по городам и весям, по улицам и по домам. Пацаны во все времена народ диковатый, а на вокзале нам было самое место: во-первых, мечта уехать или показаться в вагонах, а, во-вторых, собрать на счастье, что с возу упало... На вокзал прибывали раненные. Мы ужасались и помогали, чем могли, были на подхвате. Солдаты – тоже бывалые мальчишки – дарили на прощание кто часы, кто портсигар, кто ложку, кто ножик, кто письмо...»

Без конца шли платформы с эвакуированными заводами – шли со специалистами и со своими городскими и заводскими библиотеками. При разгрузке что-то от всех грузов отламывалось и отсыпалось, а мы, как воробышки, это все подбирали и тащили по мальчишечьим тайникам.

Народец мы, парнишки, простой, не очень грамотный, а вот у костера посидеть – это да! Книжки и продать можно было на рынке: там семечки в кулечки заворачивали. И у нас в карманах всегда семечки водились. И занимались этим не только мы, фэзэушники...

И вот в ноябре 42-го года, как сейчас помню, понеслась по нашему поселку весть: «На поселке Дзержинского появился призрак Дзержинского, он бродит и бормочет: в первую очередь библиотеки спасать надо!»

Эх, как поселок загудел, заговорили: то его видели на крыше, то в огороде сидит у костерка, то шагает в своей страшной шинели по улице... У нас там баптисты собирались на свои бдения – мы их тоже боялись и подглядывали за ними. Так от них пошел слух, что призрак Дзержинского не настоящий, так как абсолют-

но безбожный, а привезли его с собой эвакуированные из Днепродзержинска: он в их библиотеках-аптеках и притаился, про него там много книг было. И вот теперь он прилепился к названию нашего поселка, как к родному дому. Стали тогда и книг этих бояться. Потому что призрак – он, может быть, металлургам не страшен, они на заводе огнем очищаются, а вот скотину, посадки да детвору призраки портят...

Может, он и еще где появлялся, а я про свое сообщаю. Говорили даже, что и обыски были из-за книг, кого-то будто бы и арестовали, что он-де книжку про Дзержинского в печку подбросил в помощь дровам. Те, кто постарше да пограмотнее, говорили, что это милиция сама все устроила, чтобы прекратить утечку книг из хранилищ. Наверное, прекратилось языки-то живо прикусили. А тут уж нас, подростков, и на завод отправили к домнам да мартенам на подмогу. Там-то мы и узнали, чем печи топить, не до призрака Дзержинского стало. Да и он куда-то пропал, должно быть в Агаповку умотал женщин пугать, мужики-то все на фронте... Мы тоже заволновались:

– Что-то раньше об этом не слышно было.

– Дзержинский всех приучил молчать. Да, это поколение себя промолчало и в 20–50-е годы...

– Интересно, сегодня какие-нибудь призраки есть?

– Есть, конечно, для тех, кто тоскует. У нас девушка жениха из Афгана ждала, молилась шибко, по ночам сон зовет, а у нее бессонница, так ей в углу Ленин привиделся. Ученые это называют: случайная флюктуация. Случайная ли?

Поэтому я имя металлурга не назыву.

РИММА ДЫШАЛЕНКОВА.

КОЛАЖ МАРИНЫ НИКОЛАЕВОЙ